

Ирина Белобровцева (Галлин)
Двойной портрет:
Николай Андреев и Герман Хохлов
(литературные критики из «незамеченного поколения»)

Термин «незамеченное поколение» в последнее время вызывает определенные возражения (Николаев¹, Каспэ² и др.), но его справедливость в отношении литературной критики русского зарубежья несомненна. Первые обобщающие статьи о литературоведении и критике рассеяния включают имена представителей только старшего поколения (см.: Ильин³) или обнаруживают весьма поверхностное знакомство с жизнью и творчеством младших критиков (см.: Плетнев⁴), где литературоведы и критики разделены на две группы: родившиеся в XIX или в XX вв. — Ю. Иваск (1907—1986) отчего-то отнесен к первым, а В. Злобин (1894—1967) — ко вторым. К тому же и названы всего лишь некоторые критики: за пределами статьи оставлены, например, Н. Берберова, В. Варшавский, Л. Кельберин, Ю. Мандельштам, Ю. Фельзен и др. Но и сегодня, когда литературно-критические работы первой русской эмиграции переизданы⁵, деятельность на критическом поприще младшего поколения еще предстоит осмыслить и вписать в историю русской литературной критики.

© Irina Belobrovtsseva, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ См.: Николаев Д. Д. *Замеченное поколение // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы.* М., 2008. Вып. 5.

² См.: Каспэ И. *Искусство отсутствовать.* М., 2005.

³ Ильин В. *Литературоведение и критика до и после революции // Русская литература в эмиграции / Под ред. Н. П. Полторацкого.* Питтсбург, 1972. С. 243—253. http://www.vtoraya-literatura.com/publ_73.html

⁴ См.: Плетнев Р. *Русское литературоведение в эмиграции // Русская литература в эмиграции.* С. 255—270.

⁵ См., напр.: *Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., предисл., преамбулы, прим. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова.* М., 2002; *Петрова Т. Г. Литературная критика эмиграции первой волны.* М., 2010.

В настоящей статье речь пойдет о двух представителях «незамеченного поколения», которых от большинства остальных собратьев отличает их приверженность именно и только литературной критике⁶. Удивительным образом судьбы Николая Андреева и Германа Хохлова с 1920-х годов и примерно до 1933 г. переплетаются и обнаруживают явственное сходство, по сути, наблюдатель может усмотреть здесь двойной портрет.

Совпадают, прежде всего, биографические данные: Андреев и Хохлов — ровесники, родились в 1908 г., после революции и Гражданской войны оба оказываются в Эстонии, куда вместе с Белой армией в 1919 г. Андреев и его родители отходят из-под Гатчины; отец Хохлова эмигрирует во Францию, сумев отправить семью в Эстонию в 1923 г.⁷ В 1927 г. оба, Андреев и Хохлов, завершают свое гимназическое образование, Андреев заканчивает Таллинскую русскую гимназию, Хохлов — Таллинскую частную русскую гимназию.

Н. Андреев решил продолжить образование в Праге, поскольку в Эстонии он мог бы получить лишь «техническое образование и стать инженером средней руки»⁸, вариант обучения в советской высшей школе был отвергнут, т. к. родители здраво судили о слабеющем НЭПе и нарастающем давлении на граждан; из западноевропейских стран Франция и Бельгия отпали из-за незнания языка; жизнь в Германии была очень дорогой. В результате

⁶ «Уходы» их в литературу были почти случайными: у Н. Андреева два рассказа были опубликованы в газ. «Рассвет» («Ватикан», 1927 и «Монах», 1928), один («Чудо св. Вацлава. Святочный рассказ», 1927) в «Нашей газете» и еще два («Младшая сестра», 1928 и «Жена», 1930) — в альм. «Новь» (все — Таллин), даже в «Скит поэтов» он был принят за рассказ «Жена»; в том же альманахе «Новь» было опубликовано стих. Г. Хохлова.

⁷ Попытка выстроить биографию Г. Хохлова постоянно наталкивается на явные противоречия, возможно, объяснимые неопределенностью его статуса (см. ниже о его якобы сущности советского агента). Так, есть противоположные свидетельства о его паспорте (нансеновский или советский), о судьбе родителей (отец выехал за границу или родители еще в 1936 г. живут в Саратове), о том, получил он в Праге высшее образование или так и не закончил ни одного вуза, куда поступил; долгое время не было точных данных о его судьбе: расстрелян или умер в лагере.

⁸ Андреев Н. То, что вспоминается: В 2 т. Таллин, 1996. Т. I. С. 230. Далее отсылки к этому изданию даются в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках после цитаты.

остался чешский вариант, «который оказался наиболее реальным», правда, специальности предлагались далекие от гуманитарных — инженер, инженер-агроном, инженер-кооператор с преподаванием на русском языке. От знакомых, уехавших на год раньше, Андреев знал, что «Прага очень интересна. Огромное количество русских, русские центры, русские организации» (I, 232).

Очевидно, похожие соображения привели в том же 1927 г. в Прагу и Г. Хохлова. Оба они поступили в Русский институт сельскохозяйственной кооперации и решили одновременно учиться на философском факультете Карлова университета. Андреев прослушал полный курс в Институте сельскохозяйственной кооперации и получил диплом Карлова университета, Хохлов не окончил ни института, ни университета.

И Андреев, и Хохлов принимали участие в деятельности «Скита поэтов», обоих приняли в это литературное объединение в 1930 г. Хохлов дебютировал в печати в 1926 г., Андреев — в 1927 г.; их статьи о русской литературе зачастую публиковались в одних и тех же изданиях — в пражском журн. «Воля России», в альм. «Новь» (Таллин), где Андреев был не только автором, но и редактором первых трех выпусков; Андреев печатался также в газетах «Слово», «За свободу», в журналах «Рассвет» (Таллин), «Числа» и т. д.; Хохлов — в журналах «Русский магазин» (Таллин), «Современные записки» и т. д. Первый интересовался театром и с отрочества публиковал в таллинских газетах статьи о спектаклях, писал о театре и в Праге (см. об этом: Рогачевский⁹). Второго интересовал кинематограф, о котором он тоже писал, хотя и мало.

Было бы странно, если бы у этих двоих не было личных отношений. Но только один из них высказал свое мнение о втором (во всяком случае, известны только мемуары «То, что вспоминается», написанные Н. Андреевым в последние годы жизни; в них Г. Хохлову уделено немало места). В своих отношениях с Хохловым мемуарист подчеркивает их основное различие: материальное положение. Андреев происходил из семьи педагогов, утративших во время перехода на эстонскую территорию все документы и вынужденных зарабатывать на весьма аскетичную жизнь тяже-

⁹ Рогачевский А. Николай Андреев как пражский театральный критик: к столетию со дня рождения // Русские в Прибалтике / Ред. И. Белобровцева. М., 2010. С. 263—310.

лым трудом. Эти обстоятельства отозвались в их единственном выжившем сыне необычайной работоспособностью и желанием во что бы то ни стало выбиться в люди. Финансовое состояние Хохлова определял его таллинский дядя, Роман Яковлевич Хохлов, управляющий одним из самых крупных городских предприятий, «Балтийской бумагопрядильной мануфактурой», так что никакой нужды племянник не испытывал. Из его биографии вычитывается склонность к богомному образу жизни, Андреев характеризует его как «обеспеченного лентяя», ведущего к тому же «разлагающую деятельность» среди андреевских одноклассников. Полвека спустя Андреев вспоминал о нем как об *enfant terrible*: «Он был нехорошим, недобрый человеком, он не был идеалистом, как все мы, у него был озлобленный и задирающий ум, дар интриги...» (I. 263). Хохлов провоцирует Андреева, постоянно держит его в поле своего внимания, скорее всего, ревниво относится к его академическим успехам.

К лету 1928 г. относится единственный визит Хохлова в таллинское жилье семьи Андреевых, где, по словам Н. Андреева, он «просидел часа полтора около маленького столика карельской березы у окна, где обычно сидели мамыны учащиеся или гости, как Никифоров-Волгин¹⁰ или Игорь Северянин, мои родители в один голос сказали: “Какой странный, болезненный молодой человек, болезненный в смысле психологическом. Мы очень надеемся, что это не твой близкий друг!” Хохлов не был близким другом и очень скоро стал настоящим врагом» (I. 266).

Летом 1928 г. русский национальный секретарь при Министерстве просвещения Эстонии Сергей Михайлович Шиллинг предложил Андрееву выпускать ежегодно ко Дню русской культуры издание для молодежи. Так родился альм. «Новь», первые три выпуска которого в газетном формате редактировал Андреев. В первой «Нови» он по просьбе Г. Хохлова опубликовал его стих. «Гуттаперчевый негритенок» и статью «О Сергее Есенине». Сам

¹⁰ Никифоров-Волгин Василий Акимович (1900–1941) — нарвский писатель, журналист, обществ. деятель. Соредактор газ. «Новый нарвский листок» (1926–1927), журн. «Полевые цветы» (1930), участник РСХД. Удостаивался литературных премий за свои рассказы. Автор сборников рассказов «Земля именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938). В 1941 г. арестован органами НКВД и расстрелян. Посмертно реабилитирован.

Андреев в том же номере выступил как автор рассказа «Младшая сестра» и статьи «„Да здравствует весь мир!“ О Л. Н. Толстом».

Оба принимают участие и в следующем выпуске «Нови» в 1929 г., где Н. Андрееву принадлежит статья «Л. Андреев», а Г. Хохлову — «В. Брюсов». В третьем выпуске «Нови» имя Хохлова уже не встречается.

Когда в 1929 г. Археологический институт им. Н. П. Кондакова предлагает Андрееву работу, он консультируется с друзьями в землячестве. Характерна постоянная его оглядка на Хохлова — в мемуарах дословно приведено лишь его мнение, он «провокативно сказал: „Ну да, если Вы этим займетесь, то потеряете то, в чем уже имеете преимущества — литературу“. То есть он не то что давал отрицательный совет, но не выражал энтузиазма» (I. 289).

В том же 1929 г. в 3-м томе «*Seminarium Kondakovianum*» публикуется первая научная статья Андреева — «Н. П. Кондаков в письмах А. П. Чехова», которая, по его словам, «произвела впечатление». И на этот раз в мемуарах приводится только один отзыв — Хохлова, который «как всегда, двусмысленно пробурчал: „Ну, что же, Вы существовали для того, чтобы написать эту статейку“» (I. 303).

Дальнейшая жизнь Андреева и Хохлова сложилась, однако, по-разному: Андреев с 1939 г. становится директором Института им. Кондакова, в 1945 г. его арестует СМЕРШ; отбыв заключение в советской тюрьме в Дрездене, Андреев, благодаря своим коллегам и друзьям, получает место лектора по русскому языку в Кембриджском университете, где и работает до выхода на пенсию. Хохлов в нач. 1930-х становится членом Союза возвращения на Родину. В 1933 г. уезжает из Таллина в СССР. Жил в Ленинграде, затем в Москве, работал сотрудником Музея детской литературы. Публиковался в журналах «Литературное обозрение», «Литературный критик», в «Литературной газете» и т. д. Но 11 окт. 1936 г. был арестован, в мае 1937 г. Военным трибуналом Московского военного округа «осужден по ст. 58-4 (за оказание помощи международной буржуазии) сроком на десять лет с последующим поражением в правах сроком на пять лет. От своих следственных показаний Хохлов отказался на суде». 14 мая 1938 г. тот же трибунал приговаривает его «по статье 58-8 (террористический акт) и 58-2 (во-

руженное восстание) к высшей мере наказания <...> 10 сентября 1938 г. приговор был приведен в исполнение»¹¹. Реабилитирован Г. Хохлов был в 1956 г.

Андреев, очевидно, в общих чертах знавший судьбу Хохлова, несмотря на явную неприязнь к нему, вводит его в свои воспоминания как некое мерило, фон, своего рода зеркало для мемуариста, — неслучайно, начав главку «Друзья, знакомые и землячество» с вопроса «Что же происходило вокруг меня и в моем близком, так сказать, земляческом окружении?», он незамедлительно переходит к фигуре своего недруга и оппонента: «Прежде всего хочу выделить историю с Германом Хохловым» (II. 50).

В своих мемуарах Андреев не раз говорит о просоветских убеждениях Хохлова, о его советском паспорте и, осмысляя отъезд Хохлова в СССР, пишет: «<...> должен же он был сообразить, что <...> он не может вернуться в Советский Союз и там войти в литературные круги без того, чтобы принести что-то в жертву, на алтарь коммунизма» (II. 51). Мемуарист без видимых причин называет два имени «протекторов» Хохлова — Бруно Ясенский, главный редактор (до 1933 г.) журн. «Вестник иностранной литературы» (1928—1930; позже — «Литература мировой революции», 1931—1932, еще позже — «Интернациональная литература» (1933—1943); секретарь Международного объединения рабочих писателей, «и его жена», писательница Ванда Василевская¹². Здесь-то и объясняется загадочная фраза из андреевских воспоминаний о первых годах жизни в Праге: «Тогда я еще не вполне осознавал значение Хохлова» (I. 266). По словам Сергея Порфирьевича Постникова (учредителя Пражского исторического архива), Хохлов, сохранявший советский паспорт, шел «по очень скользким дорожкам, на этих дорожках уже многие сломали себе шею»

¹¹ «Скит»: Прага. 1922—1940. Антология. Биографии. Документы / Ред. Л. Г. Белошевская. Сост. биогр. Л. Н. Белошевская, В. П. Нечаев. М., 2006. С. 509.

¹² В предисловии к одному из изданий романа «Человек меняет кожу» Ясенский писал о том, как в 1929 г., высланный из Парижа, он оказался во Франкфурте-на-Майне. Возможно, если Андреев прав (в его рассказе есть одна серьезная неточность — В. Василевская не была женой Б. Ясенского, он был женат на Анне Берзинь), Хохлов мог встретиться с Ясенским именно в этом году, если тот не упустил возможности побывать в родной Польше.

(II. 51). Предупреждение означало связь Хохлова, которого Постников считал приятелем Андреева, с советской разведкой.

В доказательство этого тезиса Андреев писал: «Герман мне сам показывал советский журнал¹³, а там подпись „X“ — это, говорит, мои корреспонденции. В них сообщались, например, выдуманные вещи о Чехословакии: какие-то забастовки, какие-то столкновения, которых и в помине не было. Я страшно изумился, сказал: „Герман, послушайте, о чем Вы пишете, это же выдумки!“ На что он очень ехидно улыбнулся и сказал: „Вы, при Вашем известном буржуазном добродушии, не понимаете, что такое политическая борьба“» (II. 52). В отношениях Андреева и Хохлова происходит разрыв: в результате выяснения отношений («до меня дошли не то что слухи, а точные цитаты его высказываний в мой адрес <...> он позволил себе порочащие меня замечания» — II. 52)» Хохлов, обвиненный в лицемерии, — в глаза говорит одно, а за спиной другое — по словам Андреева, понял это как намек «на его деятельность как советского агента» (II. 53) и прекратил приятельство¹⁴.

¹³ Возможно, это и был «Вестник иностранной литературы», что дало мемуаристу повод объединить имена Хохлова и Ясенского. Любопытным образом имя Б. Ясенского всплывает и в «Воспоминаниях» В. В. Морковина: «Потом Хохлов уехал в Советский Союз. Там он сблизился с Бруно Ясенским, автором известного в 30-х годах романа “Человек меняет кожу” («Воспоминания» Вадима Морковина / Публ. Д. В. Базановой // Рус. лит. 1993. № 1. С. 206). Возможно, сведения Андреева почерпнуты именно из этих воспоминаний, известно, что Андреев их читал и был доволен совпадением своих и морковинских взглядов на Хохлова: «Из упоминавшихся мною “Воспоминаний” Вадима Морковина явствует, как сильно действовал на воображение многих Хохлов и как постепенно они прозревали» (II. 54).

¹⁴ Косвенно эти сведения подтверждает и рассказ о Г. Хохлове в «Воспоминаниях» Морковина: по его словам, решив уехать в СССР, «Он <Хохлов> начал с разрыва с русской колонией. Примерно год я его не видел. Потом он опять появился...». Здесь же фигурирует и С. П. Постников, о котором Хохлов говорит: «А вот Постников со мной не хочет встречаться, словно бы я, хе-хе-хе, работал в гедеу... Смех был неискренний. Думаю, что покойный Сергей Порфирьевич <Постников> имел кое-какие основания для своего отчуждения» («Воспоминания» Вадима Морковина. С. 206).

В это время, в нач. 1930-х годов, Г. Хохлов делает большие успехи на поприще литературной критики, дважды публикуя рецензии в двух подряд книгах «Современных записок»¹⁵.

Немного погодя тот же С. П. Постников сообщает Андрееву: «Ваш друг, Герман Хохлов, получил новое задание и теперь будет стремиться восстановить прерванные связи» (П. 53) — и, когда Хохлов в самом деле предлагает помириться, Андреев отвечает отказом. Это была их последняя встреча, которую Андреев ошибочно датирует в мемуарах 1934-м годом, однако известно, что Хохлов вернулся в СССР летом 1933 г.

Архив Г. Хохлова, учитывая его судьбу, едва ли сохранился¹⁶. Но есть еще один источник сведений о нем: Хохлов — один из многочисленных персонажей «Воспоминаний» Варлама Шаламова и герой его рассказа «Герман Хохлов». Шаламов и Хохлов встретились в Бутырках, по-видимому, вскоре после ареста Шаламова в янв. 1937 г. Сведения, приводимые Шаламовым, соответствуют действительности лишь отчасти. Так, вопреки его воспоминаниям, Хохлов не был литературным обозревателем «Известий» и уж точно не работал в штате этой газеты (см. у Шаламова: «Через советское посольство Хохлов вернулся на родину, получил советский паспорт и работу в "Известиях"»¹⁷). Хотя, если вспомнить хохловские преувеличения, привычку выдавать желаемое за действительное, мистифицировать собеседников, можно предполо-

¹⁵ Ал. Новик. <Хохлов Г. Д.> <Рец.> Сиринов В. <Набоков В. В.>. Защита Лужина. Берлин: Слово, 1930 // Современные записки. 1931. Кн. 45. С. 514—517; Ал. Новик. <Хохлов Г. Д.> <Рец.> Фельзен Ю. Обман: Роман. Париж: Я. Поволоцкий, 1930 // Совр. зап. 1931. Кн. 46. С. 499—501.

¹⁶ Помимо обыска и конфискации бумаг, предшествовавших аресту, произошло и то, что он, по-видимому, пытался сохранить у друзей. Так, Г. И. Левинсон, вдова литератора Ю. Г. Островского, арестованного на 2 месяца раньше Хохлова и расстрелянного в 1937 г., вспоминает: «<...> у нас стояла тумбочка сослуживца мужа. Так вот, был обыск только этой тумбочки. Забрали все письма и фотографии, которые там лежали. Моих вещей не тронули. Тумбочка принадлежала Герману Хохлову, который вернулся из эмиграции из Австралии» (Вся наша жизнь: Воспоминания Г. И. Левинсон и рассказы, записанные ею. М., 1996. С. 5—63 <http://www.memo.ru/history/levinson/gilev.htm>). Несмотря на ошибку в месте эмиграции Хохлова, эта информация представляется вполне правдоподобной.

¹⁷ Шаламов В. Вишера —

http://read.newlibrary.ru/read/shalamov_varlam/page92/vishera.html

жить, что Шаламов воспроизводит реальный разговор с Хохловым. Вызывают сомнение данные о судьбе отца, который, в передаче Шаламова, «был эмигрантом, умер во Франции» (в антологии «Скит» со ссылкой на документы из архива ФСБ утверждается, что на допросе Хохлов говорил о родителях, живущих в Саратове¹⁸), о нансеновском паспорте Хохлова (Андреев уверенно упоминает советский), неверны сведения о высшем образовании, которое Хохлов якобы получил «в русском институте в Праге на стипендию чехословацкого правительства».

Эта встреча в Бутырках произвела на Шаламова большое впечатление, поскольку Хохлов из эпизодического персонажа его воспоминаний становится главным героем рассказа «Герман Хохлов». Здесь повторены те же сомнительные биографические данные: «Герман Хохлов был пражанин, нансеновский стипендиат, белоэмигрант, — как мы тогда называли. Отец его ушел с Врангелем. Работал во Франции. Герман окончил в Праге русский институт, специализировался по русской литературе, русской поэзии»¹⁹. Но далее следует эмоциональный рассказ о чтении стихов в Бутырской тюрьме, которое, по всей видимости, настолько запало Шаламову в душу и память, что он несколько раз с вариациями упоминает об этом в своих воспоминаниях. Здесь же приводится лаконичное описание внешности Хохлова: «— Это стихи, — сказал человек, снимая толстые очки без оправы и открывая робкие голубые глаза.<...>

— Ну, почитаем стихи.

— А целое что-либо помните? Все равно что. Целиком, от строки до строки!

— Что это за тайна? Почему я не могу припомнить Пушкина в тюрьме? Ну, „Евгения Онегина“ я просто не хотел, но вступление к „Медному всаднику“? „Полтаву“? Ведь цитаты из „Полтавы“, допрос Кочубея и Бутырская тюрьма. Память должна была поднять с самого дна? Еще. Где „Заместительница“? „Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет, у которой суставы в запястьях хрустят“... Или „скамьи, пашки, выпускка охраны...“ Нет, только обрывки, только куски, только обломки... Полностью

¹⁸ «Скит»: Прага. 1922—1940. С. 506.

¹⁹ Шаламов В. Герман Хохлов — <http://shalamov.ru/library/32/1.html>

я припоминаю только Блока. „Никогда я не забуду...“, „Разуверение“ Баратынского...

Хохлов прислушивался к моим попыткам с явным интересом.

— Ничего не помню, — сказал я устало.

— Это — тюремное. Я всю русскую поэзию знаю наизусть, а теперь не припоминаю целиком ни одной вещи. Я уже пробовал. Исчезло. Но некоторые стихи я запомнил. Вот так как вы Блока и Баратынского.

— Кусками — многое.

— Прочтите куски.

— Нет. Стихотворение должно запоминаться и слушаться целиком. Только так... Цель поэзии не будет достигнута, если запоминать только обломки.

— Но некоторые стихи я помню. Я помню „Роландов рог“ Цветаевой, помню два стихотворения Ходасевича — „Играю в карты“, „Ан Марихен!“. Могу вам прочесть.

Мне, чтобы запомнить, надо записать, но ни бумаги, ни карандашей. Я сел на нарах около Хохлова, и Хохлов прочел Цветаев „Роландов рог“. Я повторил, с маленькой ошибкой, и Хохлов поправил эту ошибку, и я повторил без ошибки. Точно так же были прочтены „Играю в карты, пью вино“ и „Ан Марихен!“.

Я не успел повторить стихи перед Хохловым. Загремела дверь, Хохлова вызвали, и больше я с ним не встречался.

Я все повторил утром без труда.

Все три стихотворения я запомнил на всю жизнь — хотя впереди было семнадцать лет Колымы».

* * *

Если сравнивать критическое творчество Андреева и Хохлова, то надо, прежде всего, отметить, что Андреев явно ощущает свое сходство с Хохловым, во всяком случае, формулируя свое мнение о его статьях, Андреев проецирует оценку на собственные работы: «<...> у Хохлова была странная черта: он считался с моим литературным мнением и всегда чрезвычайно интересовался моей реакцией на его статьи, и я всегда честно реагировал, я считал его рецензии интересными, хотя, может быть, и не очень глубокими.

Но у него, во всяком случае, было „остранение формы“, говоря языком Шкловского, он мог писать несколько иначе, чем было принято» (II. 52).

Сопоставление литературно-критической деятельности Н. Андреева и Г. Хохлова сразу же позволяет заметить более широкий охват литературного процесса у первого и заметно более интересную и обращающую на себя внимание манеру изложения у второго. Хохлов афористичен, артистичен²⁰, он проникает вглубь произведения и рассматривает его в контексте творчества рецензируемого автора в целом.

О различиях этих двух успешных молодых критиков можно судить, даже сравнивая их псевдонимы: Хохлов выбирает псевдоним «Ал. Новик», который Андреев объясняет как признание себя новым поклонником ведущей поэтессы «Скита» Аллы Головиной, Андреев, подписывая свой рассказ «К. Рем» (инициал, по его словам, взят от его домашнего имени «Кока», фамилия — сокращенное имя его дяди Ефрема), выказывает некоторую глухоту — ведь псевдоним может быть прочитан как «крем».

Однако сходство их критических позиций, особенно в первые годы работы, несомненно; порой в их статьях возникают почти дословные совпадения. Так, например, во многом перекрываются их оценки творчества В. В. Набокова. Говоря о сборнике его рассказов «Возвращение Чорба», Андреев, возражая возможным оппонентам, отмечает особую атмосферу его повествования: «Книга разбивает мнение <...> о болезненности мира Сирина. Цветной, дышащий, благоухающий, возникает он на этих страницах, несмотря на всю смутную печаль, лежащую над темными человеческими поступками <курсив здесь и далее мой. — И. Б.>»²¹.

²⁰ В качестве свидетельства артистичности Г. Хохлова можно привести эпизод, рассказанный Андреевым в мемуарах: Хохлов, любивший «всякие мистификации, таинственные, неопределенные действия, <...> вступил в переписку с Сириным-Набоковым, прикинувшись женщиной, и писал ему письма, где обсуждал творчество Сирина, и, по-видимому, так того поразил, что Сирин ему отвечал совсем всерьез. Я читал эти письма, и мы очень смеялись: Сирин-Набоков, такой сноб, недотрога, никому не отвечает на письма, не кланяется ни с кем за исключением Ходасевича, и вдруг попался на письма вымышленной особы. Это был типичный Герман» (II. 53).

²¹ Андреев Н. Сирин // Классик без ретуши / Сост. Н. Мельников. М., 2000. С. 191 (републ. ст. из альм. «Новь III»).

И то же сочетание рельефности внешнего мира и грусти, сопутствующей его восприятию, находим в рецензии на «Возвращение Чорба» у Г. Хохлова: «Сирин влюблен в тему, а не в действительность, и его оптимизм рожден отчетливостью его физических восприятий. Сирин всегда говорит о печальном и страшном, но радость творческого воссоздания мира покрывает его реальную печаль»²².

Точно так же сходятся они в восприятии «Защиты Лужина», когда Андреев отмечает, что «рассказ ведется о жизни гениального шахматиста, обреченного судьбой, как и всякое подлинное дарование, своему призрачному, нереальному искусству. <...> Изумительно <...> сделанный, роман опрокидывает все общепринятые архитектурные формы. <...> Сюжет несколько раз рвется хронологически, но художественно остается неизменно целым»²³. И Хохлов словно бы вторит ему: «История Лужина в ее внешнем биографическом выражении — обыкновенная история гибели человеческой души от своей исключительности. <...> Сирин пишет свой роман так, как будто у него нет никаких литературных предшественников. История лужинского детства прерывается описательными отступлениями, расчетливо и не без кокетства обнажаются главные линии Сюжета...»²⁴.

Самоубийство героя романа предстает у обоих критиков как подлинная «защита Лужина», его выбор свободы от неприемлемого для него мира: «<...> спасая свою свободу и от власти раздавливающего быта, и от пугающей власти шахматных призраков, Лужин производит свой последний, гениальный, единственно возможный и последовательный шаг защиты» (Андреев)²⁵; «И не для того же мы следили за волнениями его темной и избранной души, чтобы увидеть ее в прирученном и покорном виде? <...> самоубийство оказывается не только простым и законным концом его безумия, но и победой над воображаемым противником» (Хохлов)²⁶.

²² Г.Х. Возвращение Чорба // Классик без ретуши. С. 191—192 (републ. из журн. «Воля России». 1930. № 2).

²³ Андреев Н. Сирин // Классик без ретуши. С. 192.

²⁴ Ал. Новик. <Хохлов Г. Д.> <Рец.> Сирин В. <Набоков В. В.>. Защита Лужина. Берлин: Слово, 1930 // Совр. зап. 1931. Кн. 45. С. 514—517.

²⁵ Андреев Н. Сирин // Классик без ретуши. С. 193.

²⁶ Ал. Новик. <Хохлов Г. Д.> <Рец.> Сирин В. <Набоков В. В.>. Защита Лужина. Берлин: Слово, 1930 // Совр. зап. 1931. Кн. 45. С. 517.

Наиболее наглядно сходство Андреева и Хохлова в рецензиях можно проследить на примере оценки ими романа Гайто Газданова «Вечер у Клэр». Оба критика одинаково отмечают в романе отсутствие стройной композиции, дискретность повествования и усматривают в этом преднамеренность, своеобразие авторского замысла: «Но эта самая эпизодичность действия романа, теснейшим образом связанная с заданием автора: отразить в момент апофеоза любви весь сложный ход бессознательного формирования личности <...> — эта эпизодичность придает повествованию условный характер, раздробляя общую ткань произведения на случайные, иногда совершенно изолированные, куски. В романе нет сюжетного стержня, нет основного действия» (Андреев)²⁷; «Тема романа — история роста человеческого сознания и пересечения его духовных маршрутов с великой распутицей революции. <...> Тот неверный, сложный и таинственный рост человеческой крепнущей души, который единственно мог бы связать отдельные его куски в какое-то стройное целое, все меньше и реже занимает автора» (Хохлов)²⁸. Особое место оба отводят видимой случайности архитектоники романа: «<...> приходится отметить архитектурную неустойчивость романа, его неоправданную слоистость, дробность и разделенность эпизодов» (Андреев)²⁹; «Конец романа утверждает неустойчивость и случайность его архитектоники» (Хохлов)³⁰.

Смысл приведенных параллелей далек от уравнивания двух критиков, разумеется, их оценки в чем-то разнились, в рецензируемых произведениях их порой привлекали разные моменты и т. д. Сопоставление было предпринято еще и для сравнения в первом приближении критических статей Германа Хохлова, опубликованных в эмиграции и в Советском Союзе³¹.

²⁷ Андреев Н. <Рец.> Гайто Газданов. Вечер у Клэр. Библиотека «Современные писатели». Издательство Я. Поволоцкий и К-о. Париж 1930 г. // Новь III. 1930. С. 8.

²⁸ Хохлов Г. <Рец.> Гайто Газданов. Вечер у Клэр. Библиотека «Современные писатели». Издательство Я. Поволоцкий и К-о. Париж 1930 г. // «Скит». С. 511—512 (републ. из журн.: Русский магазин. Таллин, 1930. № 1).

²⁹ Андреев Н. <Рец.> Гайто Газданов. Вечер у Клэр. С. 8.

³⁰ Хохлов Г. <Рец.> Гайто Газданов. Вечер у Клэр. С. 513.

³¹ Анализ деятельности Г. Хохлова-критика выходит за рамки настоящей статьи и предполагает отдельное исследование.

В СССР Хохлов быстро понял и стал использовать типичную риторику того времени. Редкая его статья обходится без слов «наш», «наша» и т. д.: «Черта, которая отделяет наше настоящее от дореволюционного прошлого...»³²; «<...> кардинальные сдвиги нашей действительности»³³, «<...> радостные впечатления от посещения нашей страны»³⁴ и т. п.

Как и многие его коллеги по советскому критическому ремеслу, он не устает петь хвалу советской действительности с ее «великими свершениями и строительством нового человека», как, например, в рецензии на роман Мих. Козакова «9 точек»: «<...> ища выхода из мертвого круга мелкобуржуазных переживаний, подталкиваемый к этому огромным творческим воздействием строящегося социализма, Козаков делает решительный <...> и вполне закономерный шаг в сторону углубления тематики»³⁵; в рецензии на сборник рассказов М. Штительмана: «<...> всюду тема рождения нового человека и раскрытия новых человеческих чувств»³⁶; в статье о детском журн. «Еж»: «<...> наша замечательная эпоха заново перестроила отношения между взрослыми и детьми»³⁷ и т. п.

И все же некоторые моменты позволяют говорить о его расхождении с советской идеологией и литературной политикой. Так, Хохлов критикует роман Н. Вирты «Одиночество» за «отсутствие чувства меры» «в описании зверств, истязаний и насилий, сопровождавших деятельность антоновских банд на каждом шагу, он не жалеет красок, чтобы добиться натуралистического эффекта»³⁸. Однако впоследствии этот роман был удостоен Сталинской премии. (Возможно, именно за тот безмерный натурализм, каким, если вспомнить слова Вс. Иванова, наслаждался Сталин, заставляя его вновь и вновь рассказывать о пытках и зверствах белогвардей-

³² Г. Х. <Рец.> «Качановка» // Литературная газета (далее ЛГ). 1935. 20 февр. № 10. С. 3.

³³ Хохлов Г. <Рец.> «Звезда» № 9 // ЛГ. 1935. 15 окт. № 57. С. 5.

³⁴ Там же.

³⁵ Хохлов Г. История и вымысел. Михаил Козаков. 9 точек // ЛГ. 1935. 10 февр. № 8. С. 3.

³⁶ Г. Х. «Сын родился» // ЛГ. 1935. 5 апр. № 19. С. 3.

³⁷ Хохлов Г. Заметки о детских журналах: «Еж» // ЛГ. 1935. 9 авг. № 44. С. 2.

³⁸ Хохлов Г. <Рец.> «Знамя» № 10 // ЛГ. 1935. 15 дек. № 69. С. 4.

цев в Сибири и на Дальнем Востоке. Он даже предложил написать предисловие к его книге «Партизанские рассказы», от чего Вс. Иванов уклонился.) Хохлов с его критикой романа, по всей видимости, остался в одиночестве. Его коллеги по критическому цеху оценивали «Одиночество» совсем иначе: «Николай Вирта вошел в литературу сразу как победитель. Его роман завоевал себе прочное место. <...> Правда, и Вирта <так!> пришлось преодолеть ряд препятствий. Люди, которые должны были печатать роман, не поняли его, недооценили»³⁹.

Там, где далее в той же статье Хохлов отмечает недостатки Вирты в изображении главного героя — «типичнейший психологический перегиб: образ врага утратил свою конкретность и превратился в очень сомнительное обобщение, густо приправленное авторской сердцеведческой отсебятиной», критик, высоко оценивший роман, упрекает в некомпетентности тех, кто увидел здесь авторскую слабину: «Нашлись даже рецензенты, пытавшиеся превратно истолковать роман: дескать, не выдержанный, в нем слишком либерально обрисован враг <...> Что можно сказать о людях, не сумевших отличить белое от черного?»⁴⁰

И второй пример: Хохлов, пусть с оговорками, но все же не может удержаться от недобрых слов в адрес критика советской складки: «Очень правильная, актуальная, больно бьющая критических культуризаторов статья Л. Левина „Все пропорции должны взвешиваться“, по крайней мере, наполовину обесценена попутной, небрежно-отрицательной оценкой поэзии Гусева. Даже если согласиться с некоторыми положениями этой оценки, то какая польза согласиться с тем, чтобы творчество несомненно одаренного поэта осуждалось в стиле „выяснительных выражений“ к критике его критики. О Гусеве Левину следовало бы поговорить в специальной статье — тогда, может быть, читатель не стал бы морщиться — как он делает это сейчас — от безапелляционности ее тона»⁴¹.

Эвфемизм «безапелляционность тона» скрывал характерную для статей советских критиков риторику доноса. Между тем Гер-

³⁹ Резников Б. «Одиночество» Н. Вирта // Литературный критик. 1936. № 8. С. 74.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Хохлов Г. <Рец.> «Звезда» № 11 // ЛГ. 1935. 20 дек. № 11. С. 3.

ман Хохлов явно не расценивал литературную борьбу как борьбу политическую, в которой врагов следует уничтожать. Это видно из справки секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР об откликах литераторов и работников искусства на статьи в газ. «Правда» о композиторе Д. Д. Шостаковиче (на печально известную ст. «Сумбур вместо музыки»). В справке, собранной из донесений секретных сотрудников НКВД всего за две недели (статья была опубликована 26 января, справка датирована «не позднее 11 февраля 1936 г.»), утверждается, что большинством творческих работников статья была встречена положительно, а далее приводятся «отрицательные и антисоветские высказывания отдельных писателей и композиторов». В этом списке приведены мнения как известных деятелей русской культуры — Бабеля, Платонова, Сельвинского, Олеси, Шкловского, Мейерхольда, главного дирижера Большого театра Голованова, композитора Шапорина и т. д., так и рядовых литераторов и критиков. Среди них назван и «Г. Хохлов критик», отреагировавший, прежде всего, на «безапелляционность тона» статьи: «Мне после этой статьи стало грустно. Так на темы искусства разговаривать нельзя»⁴². Статья была опубликована в янв. 1936 г., а в октябре — напомним — Герман Хохлов был арестован.

По всей видимости, к этому времени он уже мог оценить трансформацию пушкинского высказывания «Слова поэта суть уже его дела» в советской стране, где слова зачастую превращались в дело, на которое НКВД ставило штамп «хранить вечно».

⁴² Справка секретно-политического отдела ГУТБ НКВД СССР об откликах литераторов и работников искусства на статьи в газете «Правда» о композиторе Д. Д. Шостаковиче // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 2002. С. 292—293.